

Вэй Цзинсин тоже почувствовал себя неловко под его взглядом и лишь слегка кашлянул. Цзинь Муян, наконец, очнулся, сложил руки в приветственном жесте и произнес:

— Ваш слуга Цзинь Муян приветствует ваше высочество.

После этого он отошел в сторону, не проявляя больше никаких эмоций.

Атмосфера на мгновение стала неловкой. В конце концов, Му Хэсюань решил разрядить обстановку. Даже если в душе он испытывал к нему отвращение, внешне он должен был сохранять необходимую вежливость.

— Командир Цзинь, вы, должно быть, устали с дороги. Если у вас нет других дел, пожалуйста, отправляйтесь отдыхать. В это время безопасность нашего князя будет зависеть от вас.

— Никакой усталости, никакой усталости! Я, Цзинь Муян, готов пойти через огонь и воду ради вашего высочества, — произнес он, не отрывая взгляда от лица Вэй Цзинсина.

Му Хэсюань мысленно выругался: «Развратник», но на лице сохранил приветливую улыбку.

— Хорошо, хорошо. Командир Цзинь... У вас есть что-то еще добавить?

— Нет... Ваше высочество, вы так прекрасны.

— Сяои, проводи командира Цзиня в гостевую комнату.

...

— Как такой человек вообще стал командиром?! Гвардия Юйлинь именно из-за таких бездельников все эти годы не может подняться и остается под давлением Столичной охраны!

— Ты разозлился?

— Как я могу не злиться, когда он так смотрит на тебя?

— ...

— Что случилось?

— Аму, почему ты так хорошо знаешь Цзинь Муяна и две столичные охраны? Кто ты на самом деле?

— Я... Я слышал от рассказчиков. Кто я? Разве ты не знаешь?

В этот момент он заметил, что в комнате остались только они вдвоем.

— Согласно расследованию, ты сбежал в столицу из-за бедствий в семье и полтора года был нищим. Вроде бы все в порядке, но твоя манера держаться, знания и речь заставляют меня сомневаться... И еще, когда я впервые тебя увидел, дядюшка Чжао сказал, что ты выглядишь точно так же, как наследный принц Пинчэна, умерший полгода назад. Но позже я смотрел снова, и это уже был совсем другой облик, а они даже не заметили разницы...

— ...Так ты сомневаешься во мне?

— Нет, просто у меня внезапно возникли вопросы.

Му Хэсюань поднял глаза и встретился взглядом с Вэй Цзинсином. В его глазах по-прежнему была только нежность и глубокая привязанность, но не было ни капли сомнения или отчуждения.

Он вдруг почувствовал, как на душе стало легче. Его самый большой секрет был раскрыт любимым человеком, и тот не упрекнул его за неискренность. Он взял его руку и сказал:

— Цзинсин, когда придет время, я расскажу тебе об этом, если ты готов ждать. И еще...

Му Хэсюань вдруг приблизился к уху Вэй Цзинсина и прошептал что-то. Вэй Цзинсин мгновенно покраснел от ушей до шеи и через мгновение тихо произнес:

— Я, конечно, готов ждать.

Му Хэсюань не удержался и снова поцеловал его в щеку, думая про себя: «Просто невероятно мил».

Время шло, и через несколько дней раны Вэй Цзинсина почти зажили, но его состояние явно ухудшилось. Иногда он мог смеяться и говорить, а через секунду уже засыпать. Му Хэсюань был вне себя от боли и все больше ненавидел тех, кто довел его до такого состояния.

В этот день Вэй Цзинсин снова впал в забытие. Му Хэсюань, дядюшка Чжао и Утун собрались у его кровати, обсуждая, что нельзя сидеть сложа руки. В нынешнем состоянии Вэй Цзинсин, если не получить своевременного лечения, может не дожить до осени. Император явно рассчитывал на то, что они погибнут сами, прислав врачей, которые не лечат, а лишь выписывают укрепляющие снадобья, и не позволяя им нанять врачей со стороны.

Сейчас обсуждались два ранее предложенных Вэй Цзинсином плана, но с некоторыми изменениями. Первый — дядюшка Чжао напишет письмо с просьбой о помощи и тайно передаст его императрице. Второй — раз и навсегда убить Цзинь Муяна, переманить на свою сторону гвардию Юйлинь и с их помощью бежать ночью в царство Чу. Однако, если все пойдет без сюрпризов, лучше использовать первый план. Ведь не доводить дело до полного разрыва лучше для всех. К тому же, даже если они сбегут, император может послать за ними погоню, и с их компанией стариков, женщин и детей, а также сотней солдат гвардии Юйлинь, они, скорее всего, не доживут даже до половины пути.

Му Хэсюань держал руку Вэй Цзинсина и что-то тихо говорил. В комнате звучал только его мягкий голос, а дядюшка Чжао сидел за столом, записывая каждое слово.

Письмо императрице было готово, оно было недлинным, всего на полстраницы. Оно было написано от имени дядюшки Чжао, кратко и ясно описывало текущее положение Вэй Цзинсина — тяжелая болезнь, постоянные обмороки, из-за чего он не мог написать письмо сам. Также упоминалось, что князь очень скучает по императрице, часто смотрит на нефритовую подвеску с фениксами, подаренную ему, и шепчет, что не знает, удастся ли ему еще раз увидеть императрицу. В конце говорилось, что они обратились за помощью только в крайнем случае, умоляя императрицу спасти князя.

Письмо было готово, но теперь возник вопрос: как его отправить?

— У князя есть кто-то во дворце Цифэн?

— Есть одна служанка, но мы сейчас на северной окраине, и даже голубю потребуется целая ночь, чтобы долететь.

— Нет другого способа?

— Неужели придется...?

— Эй, дядюшка Чжао, хватит колебаться, настало время действовать!

Му Хэсюань не понимал, о чем они говорят, но вдруг дядюшка Чжао, словно приняв какое-то решение, поднес большой и указательный пальцы ко рту и резко выдохнул. Звук не последовало, однако в комнате внезапно пронесся сильный ветер, и через мгновение письмо в руках дядюшки Чжао исчезло.

Му Хэсюань не удивился этому. Содержание таинственных подчиненных было почти нормой среди знати, особенно для таких, как Вэй Цзинсин, который долгое время скрывал свои способности. Такая группа была, можно сказать, последним козырем, который не использовали до крайней необходимости.

Но сейчас...

Му Хэсюань вспомнил, что у него тоже была такая группа, но после того, как с ним случилась беда, Му Чжунь распустил их. Когда они доберутся до Чу, нужно будет их найти, хотя он не знает, согласятся ли они снова следовать за ним.

Дворец Цифэн.

— Ваше величество, не пора ли отправиться на покой?

— Хм.

Императрица сидела на кровати, рассеянно поглаживая тыльную сторону руки. Мерцающий свет свечей отражался на ее уже не молодом лице, подчеркивая ее одиночество.

Она вздохнула, медленно встала и сделала несколько шагов вперед, собираясь позволить служанкам снять с нее парадное платье, как вдруг заметила, что под книгой, которую она часто переписывала, выглядывает желтоватый уголок бумаги. Она слегка вздрогнула, но лицо ее осталось спокойным, и она лишь махнула рукой, отпустив служанок.

Она подошла к столу, вытащила бумагу, которой здесь быть не должно, и развернула ее. Спустя полчаса она побледнела, быстро подошла к окну и с тревогой посмотрела наружу, но кроме черной кошки ничего не увидела.

— Ваше величество, что случилось?

— Ничего, я вдруг вспомнила, что не закончила переписывать книги. Вы можете идти отдыхать.

— Слушаюсь.

Комната снова погрузилась в тишину, и императрица начала нервно ходить взад-вперед. Ее руки бессознательно сжимались, и вдруг она словно что-то вспомнила, резко остановилась. Она вернулась к столу, свернула бумагу воронкой и поднесла к пламени свечи. Пламя мгновенно сожгло письмо до пепла.

Что делать? — подумала она.

Она знала, что если бы Цзинсин не был действительно тяжело болен, он никогда бы не попросил слугу написать за него письмо с просьбой о помощи. Так что ждать нельзя, действительно нельзя.

Но что она может сделать? Если она скажет императору, он не послушает. Если обратится к своей семье, они тем более не станут помогать. Императрица, которая дошла до такого состояния, вероятно, единственная в истории.

Единственный выход — это...

Она обошла стол, открыла ящик и начала рыться в нем, пока не нашла коробку из сандалового дерева. На коробке была вырезана фигура феникса, настолько реалистичная, что казалось, будто он вот-вот взлетит.

Взлететь, взлететь... Ха... Моя жизнь, запертая в глубинах дворца, давно лишена крыльев, как я могу взлететь? Цзинсин, пусть ты унесешь с собой часть меня, чтобы вырваться из этой клетки и никогда больше не возвращаться.

...

Зал Цзычэнь.

<http://bllate.org/book/16715/1536243>